

Владимир Козубов

рассказы

РОКИРОВКА

Рокировка (фр. *roquier* – рокировать, от *roc* – шахматная ладья), в шахматах – одновременное передвижение (перестановка) короля и ладьи с их начальных положений (король – через одно поле влево или вправо, ладья – на поле, через которое передвинут король). Термин «рокировка» употребляется также в значении перемены, перестановки (например, рокировка в политике).

Современный энциклопедический словарь

Взгляните, вот портрет, и вот другой...

Шекспир У., «Гамлет»

Эту забавную историю рассказал мне мой двоюродный братишка Серёжа Горжий. А случилась она с его знакомым Виктором.

Герой нашего повествования, Виктор, работал шофёром и был парнем бывалым, как, в общем-то, практически и все водители. И это неудивительно, ведь водитель – профессия, что ни говори, рисковая. Водитель довольно часто остаётся один на один с окружающей действительностью, и случись что в дороге, особенно зимой – тут надо действительно иметь недюжинную волю к жизни, такую же, как у героев рассказов замечательного писателя Джека Лондона, чтобы выйти победителем в схватке с Судьбой. И у Виктора, ввиду его молодости и некоторой бесшабашности, в большинстве случаев получалось ловко обходить все ловушки, которые ему расставляла жизнь. Ну а если и случалось пропустить некоторые удары, то произошедшее Виктор воспринимал философски и не роптал. Словом, это был нормальный парень, уверенно идущий по жизни. Вернее, едущий – шофёр ведь.

Внешне Витёк очень походил на одного из музыкантов знаменитого когда-то ансамбля «Песняры»: густые волосы до плеч, закрывавшие уши, и усы подковкой. Если одеть его в вышитую рубаху, дать ему какой-либо струнный инструмент и поставить рядом с песнярами – зритель и не заметит подставы. Потому как Витёк будет очень органично смотреться с прославленными музыкантами. Хотя, конечно, единственные музыкальные звуки, которые Виктор мог извлечь, это были звуки клаксона его автомобиля «УАЗ-452Д», или просто «уазика». Свой «уазик» Виктор любил. Любил скупно, по-мужски, не высказывая «телячьих нежностей». Ну любят иные водители сюсюкать насчёт своих авто: моя ласточка, лошадка и прочее. Нет, единственное, что иногда позволял себе Виктор, это грубовато похлопать по корпусу автомобиля и уважительно произнести: авто. И потому, когда ему на своём авто случилось как-

то аварийно съехать в кювет (причины этого мы оставляем за страницами данного повествования) и серьёзно помять правую сторону кабины, Витёк не счёл нужным ставить перед руководством вопрос о замене дверки, а самолично произвёл ремонт и устранение последствий аварии. Ну, не сам, конечно, в полном смысле этого слова, а с помощью знакомого «костоправа», Витёк смог в полной мере восстановить внешний вид своего железного коня. Да так искусно, что на первый взгляд со стороны и не заметишь, что авто побывало в аварии. И только небольшую щель между дверкой и кузовом, в самом низу кабины, ликвидировать не удалось, там сложная конфигурация. Не получилось обеспечить первоначальную герметичность, как ни бились ребята над проблемой. Но, в конце концов, что такое небольшая щель в кабине? Да не очень и важно. Конструктивно двигатель, источник движения и заодно тепла, находится в кабине, что зимой как бы несколько нейтрализует поступление холодного воздуха в кабину через ту самую чёртову щель. В общем, соблюдался некоторый паритет, оптимальный баланс между отрицательными и положительными температурами. Тем более что Виктор, уезжая в очередной рейс, особенно в зимний период, всегда одевался достаточно солидно: короткий овчинный полушубок, пыжиковая, видевшая виды шапка и добротные унты. Унты, мало того, что согревали ноги, но ещё и придавали некоторый шик водителю, делая его немного похожим на пилота полярной авиации. Так что экипировка Виктора вполне соответствовала зимним дорогам Степного Алтая. До поры до времени. До той самой поры, пока однажды не выпало Виктору выехать в командировку в город за получением некоего груза. Да не одному ему ехать, а совместно с экспедитором, Максимом. Ребята друг друга хорошо знали, поскольку работали в одной организации и частенько выполняли совместные задания начальства.

Витёк и Максим даже внешне немного походили друг на друга, Максим тоже носил усы, но небольшие, аккуратные. Поскольку работа экспедитора предполагает контакты с многочисленными людьми, от которых иной раз в большой степени зависит выполнение командировочного задания, то и одет Максим был несколько по-другому. Не без щегольства: ладная зимняя курточка, в меру потёртые джинсы, модные туфли. Дополняла одежду пышная шапка из шкуры лисы-огнёвки. Известно, по одежке встречают. Тем более что в среде товароведов и вообще работников складского хозяйства большой процент составляют женщины, то, само собой понятно, имелся прямой смысл немного пофорсить. Ибо, что греха таить, случается в командировках, как гласит народная мудрость, иной раз так есть захочется, что переночевать негде. Но если ты молод, внешне выглядишь браво, улыбчив, к месту вставляешь шутку, словом, обаятелен, то возникающие проблемы решаются намного легче. В том числе и с романтическим ужином. Да.

Так вот, выехали наши друзья ранним утречком, навстречу только-только поднимающемуся багровому зимнему солнцу. Мотор гудел ровно, лобастый «уазик» упрямо таранил встречный морозный воздух. Дорога без сопротивления ложилась под колёса – ещё не настало время воющих метелей, с лёгкостью перемещающих десятки тонн снега и способных в одночасье наглухо перекрыть путь любому транспорту.

Пейзаж Степного Алтая не балует путешественника особыми красотами. Географически это степная зона, безо всяких особых возвышенностей и низменностей, разбитая на прямоугольники полей лентами лесопосадок, часть из которых посажена ещё во времена оны. В годы того самого тоталитаризма. Была такая концепция – разбивать лесополосы, способствующие задержке весенней влаги, столь необходимой бесчисленным сельскохозяйственным угождам в засушливый год, и не дающим особо разгуляться буйным ветрам на степных просторах. Полосы эти сажали тогда преимущественно из клёна, тополей и яблонь-дичков. Эти лесополосы также давали приют бесчисленным птицам, в том числе и хищным, зорко контролировавшим многочисленное поголовье мышей и сусликов, этих извечных врагов урожая, не давая выйти ему за разумные пределы. Здесь же находили приют зайцы и пережидали непогоду лисы и корсаки. Позднее стали практиковать более культурные посадки: в середине берёза, по краям – облепиха, а окаймляла лесополосу чёрная смородина. И это было очень верное решение, потому как такая лесополоса, кроме своей основной задачи, ещё давала крестьянам и ценные ягоды. И, как сейчас бы сказали, был ещё один бонус – в таких лесопосадках очень хорошо произрастали грибы, в иные годы их собирали мешками и вывозили телегами. А ещё проезжающему путнику встречались колки – различной величины массивы березняка вдоль извилистых мелководных речушек, в которых воды в середине лета – воробью по колено, а также у небольших степных озёр, в которых в изобилии водится самая распространённая рыба Алтая – карась. Лишь ближе к границе с Горным Алтаем березняки становились гуще и обширнее, и вдобавок появлялись ленточные сосновые боры. В общем, летом глаз путника немножко радуется изумрудная зелень колков и лугового разнотравья, полей колышущейся волнами пшеницы, золотистых подсолнухов и стоящей зелёной стеной кукурузы.

Но то – летом. А вот зимой... Зимой поездка уныла, монотонна, как скучная лекция, ибо не за что зацепиться глазу путешественника: вокруг только белая равнина, пересечённая тёмными полосками оголённых лесопосадок, да серое полотно дороги, если оно не переметено снежными сугробами. В общем, такая поездка навеивает дремоту и скуку. И единственный способ скрасить поездку – это беседа с напарником. Вот этим и развлекались Витёк с Максимом, перескакивая с темы на тему и вновь возвращаясь к ранее говоренному, обсуждая всё, к чему они имели отношение, равно как и то, к чему не имели. А что ещё делать в дороге? Ну не курить же сигарету за сигаретой, хотя и это присутствовало.

Так за разговорами незаметно шло время, оставались позади десятки километров дороги, и вроде бы ничего не нарушало относительного комфорта езды, но у Максима начала постепенно мёрзнуть правая нога. Да, та самая проклятая щель таки дала о себе знать. Холод, пробивавшийся снизу в кабину, обволакивал щегольскую обувь Максима, и пальцы правой ноги начали ощутимо мёрзнуть. Максим, насколько это можно было, переместил ноги влево, потом скрестил ноги, прижав правую поближе к тёплому кожуху двигателя, но это мало помогало, да и не высидишь долго в такой позе, ибо теперь начала мёрзнуть левая нога. Постепенно, вслед за мизинцем, начали мёрзнуть и

остальные пальцы. Максим перебирал ногами, словно застоявшийся боевой конь при звуках полковой трубы, пробовал шевелить пальцами на ногах, но холод медленно и упорно продолжал творить своё коварное дело. Левая нога окончательно застыла, и Максим не выдержал:

– Витёк, чёрт тебя побери с твоей кабиной! Нога правая совсем замёрзла. Дует снизу сильно. Когда кабину сделаешь нормально?

Витёк осуждающе цокал языком, покачал головой, сдвинул шапку на затылок.

– Ты так, Максим, говоришь, как будто я первый день за рулём. Да хрен там что сделаешь! Надо порог кабины вырезать и кусок кабины, новый вставлять. А где его сейчас возьмёшь? Не так просто. Обещали ребята достать. Но когда это будет? Ты шевели ногами, Макс, разгоняй кровь...

– Скажешь тоже! Умный ты, Витёк! Да я всё время шевелю пальцами, а толку? Маршировать мне, что ли прикажешь? Может быть, мне проще за машиной бежать? Чтобы кровь разогнать? Я же до Барнаула задубею совсем... – продолжал сетовать на судьбу Максим.

– Эх, Макс, проблемный ты мужик! Вот скажи мне, какой идиот едет зимой в командировку, обутый в летние туфли? Неправильно говорят, дескать, форс мороза не боится. Боится форс мороза. Это вон по тебе видно. – Витёк неодобрительно покосился на Максима.

– Ну, ты даёшь, Витёк! Какой такой форс?! И что ж мне, одеться, как почтальону Печкину, брезентовый плащ накинуть, дырявый треух да кирзачи с портянками?

– Ну, кирзачи не кирзачи, а всё ж таки что-нибудь посущественней обувь надо было в дорогу. Ботинки тёплые, например. Зима ведь у нас. Ты не забыл?

– Да ладно тебе юморить, – буркнул Максим. – Тоже мне Петросян нашёлся.

Витёк благоразумно не поддержал навязываемую ему Максимом дискуссию, а замолчал, обдумывая сложившееся положение. И впрямь, получалось как-то не очень. Не по-товарищески получалось. Ему, водителю, комфортно ехать, он одет в овчинный полшубочек, на ногах – добротные унты, а вот его пассажиру и как бы старшему по командировке, приятелю Максиму, докучает холод. И как ни крути, а всё-таки есть тут его, Виктора, вина. За автомобиль ведь он отвечает, следовательно, и за комфорт пассажира – тоже. А Максима, видать, прижимает нешуточно, раз у него настроение начало портиться. Проблема требовала решения, а оно, как назло, не приходило на ум. А ехать ещё ой как далеко! Тряпками, что ли, заткнуть эту проклятую щель? Да как-то несолидно, хотя на крайний случай сойдёт, поискать надо под сиденьем обтирочную ветошь, и пусть Макс с помощью отвёртки законопатит. Правда, всякий раз после остановки придётся вновь конопатить, но как вариант годится. И на этом фантазия Виктора начала пасовать.

Однако Витёк, крепко сжимая в руках баранку и давя на газ, напряжённо продолжал думать. И не бесплодно! Нужное решение пришло как-то вдруг, таким высверком молнии. Без всяких там ассоциаций, аллюзий и перебора бесчисленных вариантов, коими так любят обставлять мыслительный процесс интеллигенты. Решение это выглядело логичным и красивым. И тем более – простым, не затратным, а потому выполнимым. Прямо здесь и сейчас.

Витёк заулыбался и, сбавив скорость, прижался к обочине, заглушил мотор и весело окликнул Максима:

– Эй, Максим, чо приуныл? Совсем залубенел, экспедитор? Да не сиди ты букой, выход есть. Как говорится, для милого дружка – и серёжку из ушка. Щас решим твою проблему!

– Ну... – буркнул Максим, не врубаясь в ситуацию.

– Баранки гну! – заржал Витёк. – Гляжу, ты действительно задубел. И вдобавок ещё не только ноги, но и мозги застыли – ваще не врубаешься, кореш. А мы с тобой сейчас что? А мы сейчас с тобой рокировку сделаем.

– Какую ещё рокировку? – недоуменно вытаращил глаза Максим.

– Какую-какую... Точно, у тебя мозги застыли, как холодец. Медленно соображаешь, – ухмыльнулся Витёк. – У нас ведь с тобой, Макс, один размер обуви? Один. Вот тебе и условия для рокировки. Так что скидывай свою правую туфлю, а я тебе свой унт отдам. У меня-то правая нога возле двигателя. Ей тепло. А тебя от холода мой унт защитит. И будет всё в ажуре.

До Максима наконец дошло. Он заулыбался, подняв ногу, проворно снял и передал правую обувку Виктору, получив взамен мохнатый и тёплый унт. Помял застывшие пальцы ноги, согревая их, затем погрузил ногу в тёплое нутро зимней обуви.

– Вот это кайф! – лицо Максима расплылось в довольной улыбке. Как в раю нога!

– А то! – самодовольно хмыкнул Витёк, притопывая правой ногой, принаравливаясь к новой обуви. – Унты – они и в Африке унты.

– А кому они в Африке нужны? – полюбопытствовал повеселевший Максим. – Неграм, что ли?

– Неграм не нужны, – покладисто согласился Витёк, – это просто присловье такое. Фигура речи. Ну, чо, погнали дальше?

И наши командированные путешественники «погнало дальше». Теперь, когда благодаря рокировке температурный статус-кво в кабине восстановился, и Максим почувствовал себя веселей. К нему вновь вернулось хорошее расположение духа. Унт исправно грел правую ногу, она уютно покоилась в тёплой обуви. И напрасно встречный морозный воздух, настырно протискиваясь в щель между дверцей кабины и корпусом, пытался понизить градус – унт успешно отражал атаку. Ещё бы! Унты – это вообще незаменимая вещь в холодное время года. В былые времена, когда в самолётах были неотапливаемые, а то и вовсе открытые кабины, именно такая обувь, как унты, и делала возможными полёты на больших высотах, где, как известно, очень низкие температуры. Ведь лётчик – не кочегар на паровозе, который постоянно в движении, кидает уголёк в топку паровоза, и потому не мёрзнет, лётчик сидит неподвижно за штурвалом, и потому тёплая обувь ему жизненно необходима. Впрочем, как и водителю автомобиля – если кабина холодная. Примерно такие мысли занимали Максима, и он уже начал подумывать: а не приобрести ли и ему унты? А что? Ведь приходится ездить зимой на дальние расстояния, и мало ли что может случиться в дороге? Вот как сегодня. Да и вообще, вдруг машина сломается в пути? А морозы в Сибири – будь здоров! Не пофорсишь шибко при леденящем ветерке – мигом

душу выдует. Враз замёрзнешь в щегольской обуви. Да, над приобретением унтов стоит подумать...

Эти практичные, здравые рассуждения Максима были вдруг прерваны предложением Виктора:

– Слушай, Макс! Сейчас по дороге будет большая заправка, бензин надо залить. А там же есть и столовая. Может, заодно и мы подзаправимся, перекусим горяченького? Ты как, не против?

Максим был очень даже не против, и Виктор, включив правый поворот и сбросив скорость, начал подруливать к автозаправке, нацеливаясь на свободную бензоколонку. Аккуратно притерев машину к колонке, Виктор молодецким скоком выпрыгнул из кабины, натренированным движением вставил дуло заправочного пистолета в горловину топливного бака. Затем, на ходу доставая и отсчитывая деньги, направился к кассе автозаправки. Присутствовавший на заправке народ, разом забыв свои дела, с неподдельным интересом уставился на шагающего Виктора, переглядываясь и недоуменно пожимая плечами.

Что за клоунада такая? Или это есть самый писк столичной моды, доказавшийся до нашей глубинки? У них там, в столице, иной раз такое выдадут, что хоть стой, хоть падай. Как то было у них модным делом держать во рту детскую соску-пустышку, то на танцы стали приходиться в рваных на коленях джинсах. Не то чтобы в старых и потрёпанных, нет. Специально новые джинсы увечат и в таком виде щеголяют. А по телику иной раз таких экземпляров показывают – содрогнуться от ужаса можно. Это же надо – так себя уродовать! С раздвоенными языками, с растянутыми чуть ли не до плеч мочками ушей, с пластмассовыми дисками, вставленными в нижнюю губу, с татуировками на всё лицо, с кольцами в носу. Какие-то заклёпки в кожу лица вставляют. Пирсинг называется. В общем, кунсткамера какая-то. И ладно бы, если бы это были какие-то аборигены африканские или австралийские. Они нецивилизованные, и понятия о красоте у них свои. Да и тёплый климат позволяет им носить кольца в носу. Суровый же сибирский климат кольцо в носу как украшение исключает напрочь из-за насморков. У нас же разве что свиньям вставляют металлические кольца в рыло, чтобы не подрывали устои и не расшатывали скрепы свинарника.

Так что к африканцам или австралийцам нет никаких претензий. Они имеют право украшать себя как им вздумается, и одеваться по своему разумению. Пусть и несколько странным для нас образом. А вот когда наш брат славянин, россиянин, выкидывает такие, с позволения сказать, коленца, вот это действительно удивительно и ставит в тупик! Наверно, и этот чудик-водитель, с песняровскими усами, беззаботно шагающий в унте и в летнем полуботинке, тоже из этого племени полоумных. Вид, конечно, у него очень придурковатый в такой обуви. Но держится независимо, как будто так и надо. Умора, да и только.

Так или примерно так ошарашенные сторонние наблюдатели думали, разглядывая Виктора, который, ни сном ни духом не подозревая, что стал объектом пристального внимания окружающих, с зажатыми в кулаке деньгами прямил свой путь к кассе заправочной станции. А тут и Максим, обойдя кузов автомобиля, очень вовремя вышел на всеобщее обозрение, также явив народу

свой занимательный облик. Ну, тут уж народ не выдержал. На заправке обвально грянул хохот. Хохотали все: и водители, и служащие заправки, и пассажиры подъехавшего автобуса междугороднего сообщения.

Наши друзья в недоумении остановились, оглядываясь по сторонам, поначалу не поняв причины хохота. Однако по направленным на них взглядам окружающих друзья быстро смекнули, что смеются над ними. Но с чего вдруг? Но стоило им только взглянуть друг на друга, как недоумение их быстро рассеялось, и всё стало сразу ясно и понятно. Рокировка!! Именно эта чёртова рокировка унта и туфли, о которой они просто забыли за разговорами, и стала причиной взрывного веселья окружающих. Да и то – не каждый день такое увидишь, если увидишь вообще!

Но наши приятели лишь на мгновение замешкались, а потом сами захотали, разглядывая друг друга. Объясняться народу они не стали, да и как объяснишь всем? Да и зачем? Хохма состоялась, ситуацию не переиграешь, и пусть каждый думает о них всё, что ему подскажет собственное воображение. Вокруг улыбалась толпа, и под это весёлое сопровождение Виктор расплатился за топливо и заправил автомобиль. Максим же продолжал следовать за ним, справедливо рассудив, что, направляясь в столовую в одиночку, он будет выглядеть, словно сельский дурачок, а вот если он зайдёт в помещение с Виктором, то в этом может просматриваться некая система, какой-то смысл...

Вот такая рокировка случилась когда-то.

ГОЛЕМЫ, или УМЯГЧЕНИЕ ЗЛЫХ СЕРДЕЦ

Человек – достаточно конфликтное существо. Но, что интересно, при такой генетической тяге, перманентной любви к конфликтам, существовало и понятие дружбы. И ведь дружили, чёрт побери! И по-настоящему дружили. И клялись в вечной дружбе. И даже исполняли клятвы. «Жизнь отдать за други своя». Хотя и не всегда. По-разному бывало. Бывало, что происходило так, как это ярко описано у О. Генри. Помните знаменитую реплику Акулы Додсона из «Дороги, которые мы выбираем»? Цитирую: «Очень мне жалко, что твоя гнедая сломала ногу, Боб, – повторил он с чувством. – ...Боливар выдохся, и двоих ему не снести». Именно в такие в буквальном смысле переломные моменты дружба и заканчивалась. Иной раз вместе с жизнью одного из друзей. Да. Потому как Боливар выдохся... Случалось подобное.

Но всё же дружба была, это я точно вам говорю. И завязывалась иной раз при очень странных обстоятельствах. Несмотря на имевшие место быть конфликты. В общем, всё было, и было по-разному. Я сейчас хочу рассказать об одном конфликте, в результате которого... Впрочем, давайте по порядку. В причине возникновения конфликта ничего такого особого нет, если уж откровенно, она и скорлупы выеденного яйца не стоит. Но всё же есть в том конфликте некая необычность, изюминка, так сказать, которая выделяет его среди других бытовых споров и драк. Потому я и решил рассказать о нём.

Но сначала о буровом станке, который у нас использовался при бурении

скважин на воду. А при чём тут буровой станок и конфликты, спросит недоумевающе Читатель? А очень даже при чём, потому как происшествие, о котором я настроился сейчас поведать, случилось в одной буровой бригаде Алтайской ГГЭ. Работы по поиску подземных вод велись на просторах Степного Алтая, заселённых в то время достаточно густо. Это ещё с той поры, когда в 50-х годах прошлого века началось освоение целинных и залежных земель. Много было больших и малых селений. Сейчас, правда, число их несколько сократилось, ибо при рыночных отношениях верх одержала концепция очаговой урбанистической направленности. А если без умничания, то это означает, что сейчас цивилизация сохраняется, да и то частично, в городах, великодушно предоставив сельской местности медленно дрейфовать в сторону архаичного земледелия, к сохе, а возможно даже, к палке-копалке и простому собирательству даров природы, как-то: грибов, ягод и всяких трав. Но в те поры, о которых я рассказываю, об этом причудливом зигзаге развития цивилизации никто и помышлять не мог, потому как свободы мнений не существовало, а свирепствовал тоталитаризм. И в этой связи достижения цивилизации активно внедрялись в сельской местности: мощные сельхозмашины, сплошная электрификация, передовые приёмы агротехники, в том числе и поливное земледелие. А что нужно для такого земледелия? Совершенно верно, нужна вода. Вот и работали, напрягая мозги, гидрогеологи, трудились не покладая рук в три смены буровики. Селянам нужна была вода, и мы её давали. Хорошее было время.

И вот как-то буровая бригада прибыла в одно селение. Смонтировала свой буровой агрегат и начала привычную работу. В ходу тогда был буровой станок «УРБ-3АМ» и его модификация «УРБ-3А2». Нормальные, хорошие станки, надёжные. Вот спрошу Читателя – а что есть сердце любой машины? Правильно, мотор, или двигатель, есть сердце любой машины. Но в случае с буровым агрегатом ответ не совсем правилен, ибо не полон. Потому как у бурового агрегата есть и второе сердце. Это – грязевый насос. Насос этот гонит глинистый раствор по колонне бурильных труб на забой скважины, охлаждая тем самым бурильное долото, а также выносит на поверхность разбуренную породу, попутно глинизируя ствол скважины и предохраняя его от обвала. И вот когда эти два сердца работают в унисон, тогда и только тогда возможно бурение. И потому буровой насос «ГР-11» – предмет особой заботы буровиков. Случись что с ним – миг останется в скважине буровая колонна, а вытащить оттуда, если вдруг её прихватит обвалившейся породой – та ещё проблема. Кроме того, с помощью грязевого насоса закачивают в скважину цементный раствор для межпластовой изоляции водоносных горизонтов, промывают фильтровую часть обсадной колонны, осуществляют первичную разглинизацию водоносного слоя, моют буровой станок и готовят тот же глинистый раствор. Глинистый буровой раствор – тоже особая песня. И я тут вкратце её пропою, дабы Читателю было легче в дальнейшем понимать суть происходящего. Буровой раствор – это не просто растворённая в воде глина, типа грязи. Отнюдь. Буровой раствор готовится из особого сорта пород, так называемых бентонитовых глин. Это морские донные отложения, тонкодисперсные, то есть, если попроще, очень мелкого помола. Глинистый

раствор приготавливают в специальной яме, называемой зумпф, перемешивая с помощью того же насоса глину и воду. Кроме того, в раствор добавляют каустическую соду для улучшения вязкости. Полученная субстанция напоминает по консистенции жидкую сметану, липкую и клейкую, и так просто её, как дорожную грязь в луже, не смыть. При прохождении больших интервалов глинистых пород раствор густеет, его приходится разбавлять водой, а со временем и вовсе заменять. Тогда насос ставят в положение *на выброс*, и помбур, держа в руках выбросной шланг с наконечником (аналогично пожарному брандспойту) направляет в сторону от буровой выкачиваемый некондиционный раствор. В этот момент буровая становится немного похожей на небольшой грязевой вулкан. Напор насоса достаточно велик, и тугая грязевая струя бьёт на расстояние около полутора десятков метров.

...Бурение шло в нормальном режиме, каких-либо осложнений не возникло, и график пересменки буровиков выдерживался чётко. Как говорится, отстоял свою вахту восемь часов и – гуляй, Вася. Вот и гуляли, помывшись и переодевшись, травили байки, лёжа в тени жилого вагончика, играли в карты. Кто с книжкой сидел, кто без лишних затей заваливался поспать часик-полтора – всё же работу буровиков *лёгкой* могут назвать совсем уж оголтелые оптимисты вроде нынешних «создателей рабочих мест». В общем, отдыхали буровики изо всех сил, как могли. Но был ещё один вид развлечения. Полагаю, читатель уже догадался. Да, парни не прочь были иногда пивка попить, или даже тихонько и скромно (бывало, и нескромно) бутылку-другую портвешка раздавить. С устатку как бы, а то и в защиту мира во всём мире... Хотя за это и гонял старший мастер любителей подобных развлечений, но кто же из нас, положила руку на сердце, не нарушал законы и инструкции? Тем более, что русский человек – он же немного анархист по натуре. И ему неукоснительно и последовательно следовать всяким инструкциям и уложениям – себя не уважать. Должно быть хоть небольшое, но отклонение от генеральной линии. Иначе нельзя. Ибо приходит тоска и душевный дискомфорт. Возможно, в этом и кроется загадка русской души. Вот немцы, они поклоняются своему *орднунгу*, то есть порядку, возведя его чуть ли не в ранг идола, и никаких разговоров о загадочности немецкой души не наблюдается. Иное дело – мы. Нам нужны трудности и проблемы. А нет таковых – мы их создадим, чтобы мужественно преодолевать. Потому как душа требует. Но это просто, как говорится, лирическое отступление по ходу пьесы.

В тот раз старшего мастера на буровой не было, он находился на базе экспедиции, отправлял обсадные трубы для бригады. Словом, начальственное око было далёко, и удавка контроля практически не ощущалась, создавая устойчивую иллюзию свободы. Этим и не преминули воспользоваться трое парней из отдыхающей вахты. Приодевшись и расчесав патлы, давно уже нуждающиеся в услугах парикмахера, наши орлы встали на крыло и направились в село с твёрдым намерением принять на грудь, а если подфартит, то и познакомиться с местными девчонками. Время летнее, дело молодое, гормон играет, и совсем недурно будет, если познакомиться, а вечером, после кино, проводить местную красавицу домой, а то и до опушки леса. Почему бы и нет? Оживлённо переговариваясь вот в таком ключе и предвкушая вполне вероятное при-

ключение, ребята покинули полевой лагерь. Известно, что надежды юношей питают.

Но также доподлинно не только известно, но проверено жизнью и следующее утверждение: хочешь рассмешить Бога – расскажи ему о своих планах. По-видимому, в тот день на небесах и правда, славно посмеялись, ибо получилось совсем не так, как представляли себе прогулку наши молодые парни-буровики. Сначала всё шло как бы по плану и ничто не предвещало грозы. Ребята затарились портвейном, а для разгона, выйдя из магазина, тут же пустили по кругу пару бутылок пивка, не для куражу, конечно, а только лишь с целью утолить жажду, ибо летнее солнце грело, как и положено ему в это время года.

Но тут к ним подошли двое местных ребят и поинтересовались: а чего, мол, вы тут пьёте и вообще, кто вы и зачем здесь, ибо это наше село и мы здесь живём. Запрос этот показался помбурам неуместным, да к тому же и сама форма запроса была излишне дерзкой и противоречащей неписаным правилам этикета. Вот в соответствии с этим этикетом наши помбуры и посоветовали сельским молодцам отправиться по некому известному практически любому мужчине адресу. Сельчане адрес этот, естественно, знали, но совету не вняли, а наоборот, попробовали утвердиться в своём праве на получение исчерпывающей информации от чужаков. Назревал конфликт. Слово за слово, и кого-то толкнули. Начали совместную разминку, постепенно распалая боевой задор. Дело шло, как оно и бывает в таких случаях, к рукопашке. *Махаться* нашим ребятам было в буквальном смысле этого слова, не с руки, ибо у каждого было с собой по бутылке портвейна. А с одной рукой много не навоюешь. Хоть и наступали сельские парни грозно, но ведь не танки же они, в самом деле, чтобы бросать в них бутылки с горючей смесью? А тут кто-то из аборигенов на всякий случай завопил:

– Наших бьют!

Призыв к консолидации был услышан, мобилизационный план немедленно приведён в действие, и к сельчанам стала спешно прибывать подмога. Буровики поняли, что им не выстоять против превосходящих сил противника, сгруппировались и отчаянно пошли на прорыв. Манёвр удался и, отделавшись лёгкими ушибами, буровики рванули прочь от злополучного магазина. Вслед им неслась толпа гикающих и распалённых праведным гневом сельчан. Началась погоня. Инстинктивно понимая, что уповать на милость противника не приходится, да и зазорно, буровики, словно скаковые лошади в финальном забеге, выкладывались вовсю, стараясь оторваться от погони. Они логично рассчитывали на то, что с каждым метром погони пыл преследователей постепенно сойдёт на нет. Но не тут-то было. Не только собак возбуждает вид убегающей жертвы, людям, как существам крайне конфликтным, тоже присуще данное свойство. И, сдаётся мне, даже в большей степени, нежели собакам. И потому погоня не отставала, а наоборот, набирала темп, азарт и уровень агрессивности. За буровиками неслась устойчивая группа числом человек пять-шесть из наиболее активных и неугомонных сельских парней. Сердца их были ожесточены до предела. Преследователи попутно даже оторвали несколько штaketин от пронесившихся мимо заборов, резонно рассчитывая от души и жёстко позабавиться в точке захвата.

Дело запахло членовредительством. Буровики это отчётливо осознавали, и потому мчались наперегонки с ветром. Стремились они, естественно, к своему дому, то есть на буровую. Дома, как известно, и стены помогают.

А на буровой своим ходом шла будничная работа. Тарахтел дизель, с грохотом вращался ротор, шарошечное долото неумоимо вгрызалось в земную твердь, пыхтел и чмокал грязевый насос, подавая буровой раствор в скважину.

И тут вахтовый помбур вдруг заметил, как за околицу села выкатились две группы людей. Почуввав неладное, он толкнул в бок сменного мастера и с растерянным видом показал пальцем в сторону мчащихся людей. Тот обернулся и обомлел.

Увиденное им живо напоминало сюжет известной картины художника Маковского «Дети, бегущие от грозы». И надвигавшаяся «гроза» в самом деле была нешуточной. Такая разъярённая толпа с кольями может надеть больших бед. Это пока ещё распалённый гнев утихнет и ярость уступит место здравому смыслу! Решение надо было принимать быстро и принимать единственно правильное. Как говаривал вождь мирового пролетариата: промедление смерти подобно! Ибо времени на раздумья и перебор вариантов уже не оставалось. Преследуемые и преследователи со стремительностью болидов приближались к буровой. Счёт пошёл на секунды. И решение было найдено! То самое единственно верное и приемлемое в данной ситуации.

Сменный мастер, тёртый жизнью мужик, лебёдкой приподняв вращающийся буровой инструмент над забоем, остановил бурение и рывкнул растеявшемуся было помбур:

– Насос на выброс! Отсекай древесину на хрен!

Помбур среагировал мгновенно. Прогромыхав кирзачами по дощатому трапу, он скатился с помоста, коршуном метнулся к насосу и перевёл рычаг. Затем быстро схватил выбросной шланг, который, словно взбесившийся удав, забился в его крепких руках под напором рвущейся на свободу струи глинистого раствора! Ах, как вовремя он это сделал! Вот что значит глазомер и точный расчёт! Ибо преследуемые буровики в этот самый момент как раз успели прошмыгнуть мимо бурового агрегата и только тут, под защитой родного железа, смогли перевести дух. Разгневанные сельчане, галдя и потрясая палками, рвались следом. Но вахтовый помбур расставил для устойчивости ноги, и резко, от живота, словно автоматчик в военном фильме, повёл наконецником выбросного шланга в сторону разгорячённых погоней сельских парней. Тугая струя глинистого раствора в упор хлестнула по группе преследователей. Эффект был потрясающий! Он превзошёл самые смелые ожидания. Останавливающее действие струи жидкой глины оказалось весьма действенным и безжалостным. И погоня самым натуральным образом захлебнулась. Если кому из читателей посчастливилось попасть под зачистку негодующих демонстрантов родным ОМОНОм с помощью водомётов, то ему описываемая мной ситуация вполне понятна.

В общем, яростные и неукротимые преследователи, которых, казалось, ничто не могло остановить, словно наткнулись на внезапно возникшую на их пути стену. Поражение было полным и окончательным. Один из преследователей, поскользнувшись, упал на четвереньки, давась жидкой глиной. Двое дру-

гих аборигенов, в беге подсечённые напором струи, неловко упали на спины, и теперь, словно перевёрнутые черепахи, беспомощно елозили в глинистой жиже, растопырив руки-ноги, безуспешно пытаясь принять вертикальное положение. Тщетно! Попытки эти были явно обречены на провал. Тем более что помбур не скупился и, словно повар соусом, щедро продолжал поливать преследователей раствором. Трое других, хоть и удержались на ногах, но мало походили на людей. Больше всего они напоминали клонов легендарного Голема, которого когда-то сработал из глины и оживил известный талмудист, математик, астроном и даже как бы маг Лев бен Бецалель. Облепившая сельских молодцев со всех сторон светло-коричневая глинистая жижа неузнаваемо изменила их внешний вид. Медленно стекая вниз с кончиков пальцев опущенных рук, она карикатурно удлиняла их, и делала этих круглоголовых существ с дырками на месте рта и глаз удивительно похожими на пришельцев из космоса, или на вставших на задние лапы саламандр, или на тающих под солнцем пластилиновых человечков из мультфильма. Это уж кому как воображение подсказывало. Короче, чёрт-те на кого были похожи преследователи, но только не на людей. И на этом погоня враз закончилась, так и не достигнув своей кульминации.

Вахта снова привела грязевый насос в нужное положение, и бурение возобновилось. Буровики приблизились к этой неожиданно возникшей глиняной скульптурной группе, чтобы рассмотреть поближе преследователей, влипших в ситуацию. Именно влипших, ибо выбраться без посторонней помощи из растекшейся глины преследователям было достаточно сложно. Очнувшись от шока и постепенно приходя в себя, «големы» медленно ворочали округлыми глиняными головами и, ежесекундно слёвывая с губ глину, отнюдь не языком дипломатического протокола, а простым, открытым текстом эмоционально выражали свой взгляд на случившееся с ними. Грубо говоря, они крыли матом всё, что можно было теоретически покрыть. Если вынести за скобки всевозможные лингвистические изыски, которыми обильно, словно салат оливье зеленью, были украшены их возгласы, то суть высказанных претензий можно свести к следующей фразе:

– Да вы что, ополоумели совсем?!

Я тут только передаю смысл сказанного, ибо слова были совсем иные и, казалось бы, вовсе далёкие от происходящего, но тем не менее (ну таков он, альтернативный русский язык!) очень точно отражающие суть текущего момента. И, естественно, эта эмоциональная тирада была понята буровиками без всякого перевода.

– А вы? Вы чего прицепились к нам у магазина? – дерзко и также эмоционально отозвались бывшие гонимые. Противник был остановлен, деморализован, смертельная опасность расправы миновала, и наступило самое время расправить плечи. Однако словесная перепалка так и не перешла в новую фазу противостояния враждующих сторон. Возможно, разрядке способствовало и виртуозное владение обеими сторонами альтернативным языком. Известно, язык, речь – основа взаимопонимания. Вон, известный русский путешественник Миклухо-Маклай тоже испытывал трудности в общении с папуасами, пока не овладел языком туземцев. А как только состоялся диалог «Ты – Туй, а

я – Маклай», так сразу же вырос взаимный уровень доверительности и контакт между двумя цивилизациями был налажен. Но вот высокомерный капитан Кук, сын туманного Альбиона, погнушался заучить три десятка туземных слов, и судьба его была печальна: не дождался его возвращения в королевском Адмиралтействе...

Так и в нашем случае. Языково-понятийное поле было общим для обеих враждующих сторон, и потому в процессе обмена репликами взаимопонимание между ними установилось достаточно быстро. Да к тому же содержащаяся в растворе каустическая сода начинала жечь слизистые оболочки глаз, носа, рта, и нужно было срочно выправлять ситуацию. Обеим конфликтующим сторонам уже было понятно, что конфликт окончательно погашен и самое время придти к консенсусу. Буровики великодушно помогли сельчанам выбраться из грязевого плена, принесли мыло, мочалки и сухую ветошь. Началась большая стирка с помывкой, благо на буровой чистой воды хватает, да и водовозка всегда наготове. С каждым ведром использованной воды непримиримый ранее конфликт всё больше перетекал в дружеский контакт.

Изрядно поработав мылом и мочалками, преследователи, хоть и не без труда, но всё же привели себя в надлежащий вид, а вывешенные для просушки брюки и рубашки затрепыхались на лёгком летнем ветерке, словно флаги на праздничной демонстрации. Демонстрация же, как известно, – это слияние народных масс в едином порыве. Так что единение зримо наличествовало. Затем сельчан, щеголявших в мокрых трусах, пригласили за стоявший у вагончика стол. В таком виде они действительно смахивали на аборигенов дикого племени, заглянувших на чашечку кофе к цивилизаторам. На стол были водружены те самые три бутылки с портвейном, героически спасённые во время погони. В ожидании окончания сушки одежды и обуви был произведён ритуал знакомства и примирения, закреплённый совместным распитием. Учитывая небольшой объём спиртного и явно не соответствующее ему количество участников так необычно, но счастливо разрешившегося конфликта, дозы спиртного были практически символическими, что и соответствовало текущему моменту. Но и этого вполне хватило, чтобы вести достаточно дружеский разговор, теперь уже со смехом вспоминать произошедшее. Бывших преследователей угощали сигаретами, всё происходило чинно и в соответствии с этикетом, словом, было настолько хорошо, что один из пришельцев в благородном порыве проявления на глазах крепнущей дружбы рванул из-за стола, чтобы сбегать за добавкой, но дружный хохот сидящих за столом остановил его:

– Ты что, в таком виде в магазин?!

Смеялись долго, представив возможную ситуацию. Но после некоторого обсуждения порешили, что на сегодня хватит *впечатлений*. Да и буровикам *лишнее* было ни к чему, потому как впереди предстояла вахта, а работа и алкоголь никакие не товарищи друг другу. Но договорились как-нибудь снова встретиться. Естественно, без кольев и глинистого раствора. Поохотали и на том расстались. Аборигены натянули на себя слегка влажную одежду – пока домой дойдём, высохнет! – и дружно отправились по домам. А буровики занялись своими повседневными делами, иногда перебрасываясь репликами по

поводу недавно произошедшего. Что ни говори, а всё же происшествие случилось не совсем обычное.

И с тех пор ничто не омрачало работу буровиков в этом селе. И время Конфликта ушло в прошлое, уступив место Дружбе и Взаимопониманию. Как оно, впрочем, и должно быть среди нормальных людей. Пусть даже и генетически склонных к конфликтам. Ибо если вовремя и правильно произвести умягчение злых сердец, то всегда можно погасить конфликт и перевести его в мирное русло к общему удовлетворению противоборствующих сторон. Главное – найти такой способ умягчения...